

Яна РОЗОВА

СОЖЖЁННЫЕ ЦВЕТЫ



18+

@ЭЛИТА



Яна Розова

Сожжённые цветы

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Розова Я.

Сожжённые цветы / Я. Розова — Электронное
издательство "Аэлита", 2015

В небольшом городке на юге России жили пятеро институтских подруг. Во времена учёбы на истфаке они все делали вместе: веселились, учились и даже дипломы писали на одну тему – Инквизиция. Удивительно, что как только у одной из них происходило нечто (двойка на экзамене, скажем), то и у других это повторялось. А вот после института судьба развела бывших студенток. И жаль это было – и ничего не поделаешь. И вот как будто вернулись прежние времена: по очереди каждая из подруг встретила мужчину, о котором, может, уже и не мечтала, и уехала с ним в дальние края... Вот только мудрый священник отец Сергей и отставной следователь Паша Седов уверены, что исчезновение четырех из пяти бывших сокурсниц – совсем не то, что кажется. А тут ещё Пашка влюбился в пятую! Некстати это случилось и к добру не привело...

© Розова Я., 2015
© Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Содержание

Часть 1. Сатурн	6
Часть 2. Марс	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яна Розова

Сожжённые цветы

© ЭИ «@элита», 2015

Часть 1. Сатурн

Сгорел храм. Возможен поджог

Во вторник в половине первого ночи в дежурную часть Гродинского управления государственной противопожарной службы МЧС России поступило сообщение о возгорании церкви, расположенной в центре города Гродин. В результате пожара значительно пострадало здание храма Успения Пресвятой Богородицы. По предварительным оценкам сотрудников пожарно-технической лаборатории, причиной пожара стал поджог.

А. Маловичко

Газета «Алхимик», 21 марта 2003 года.

10–21 марта

Ира вышла в холодное раннее мартовское утро. Она постаралась одеться теплее, но всё равно зябла, потому что зимнего пальто у неё не было – на его покупку просто не хватало средств. Впрочем, это не имело значения: сегодня исполнилось ровно пять лет со дня смерти Виталика.

Ира поправила тёмно-синюю шерстяную косынку и заспешила в сторону церкви. Идти придётся три квартала, общественный транспорт здесь почти не ходил. Городские власти обещали оборудовать остановку возле церкви Успения Пресвятой Богородицы, да всё никак.

В городах, имеющих более длинную историю, к верующим относились внимательнее, а Гродин жил всего-навсего чуть более полувека. Его выстроили вместе с химическим заводом и для химического завода, размещённого неподалёку от старинной казачьей станицы Малые Грязнушки. Город постепенно поглотил станицу, а станичная каменная церковь, претерпев в 90-е серьёзный ребрендинг, превратилась в Храм Успения Богородицы. Именно туда ходила Ира Китаева каждое воскресенье, всю свою жизнь.

Вера давала Ире самое главное: понимание важности всякого события. Разуму, который наполняет собой Вселенную, есть дело до судьбы всех живущих, это утешало осознанием своей причастности к замыслу Бога. Смерть мамы и Виталика – не случайны. Нет смысла спрашивать, почему мне выпало такое. Ты же знаешь: Бог всегда забирает лучших и испытывает избранных.

Иру не тяготила длинная дорога к храму, ей сопутствовали лучшие воспоминания детства: как по воскресеньям они с мамой ходили «к Богу», попросить о хорошем. А мама у Иры была необыкновенной.

Лида Китаева считала себя избранной, и без смущения носила свой горб на узкой спине. Она обладала изумительным характером: умела прощать, не просила многого, легко относилась к любым трудностям, понимая, что самое плохое в её жизни уже произошло.

Об отце Ира ничего не знала. Мама говорила, что она мечтала о доченьке, и Бог ей дал дочь. Вот и всё. Только после смерти мамы её подруга тётя Света рассказала, что у Лиды был мужчина, но жить с горбуньей не захотел. А Лида удерживать его не стала, и даже о своей беременности не рассказала.

Мама умерла три года назад от пневмонии.

В память о маме Ира пыталась относиться к жизни согласно маминым принципам. Кое в чём это удавалось – например, в отношении к работе: пусть зарплата у учителя смешная, в учительской ссорятся из-за дополнительных ставок, ученики с каждым годом становятся всё менее интересными, начальство давит – не надо падать духом. Учитель – это призвание, а не способ заработать. Ира была учителем истории по осознанному выбору: ей нравилась исто-

рия и как школьная дисциплина, и как наука. Историк знает – всё уже было: крахи империй, концы света, жулики на престолах, гении в кандалах. Ничто не меняется, но всё становится другим.

Ещё больше радовалась Ира ежедневной возможности заражать своим интересом детей. Она умела находить в толпе маленьких людей с пустыми глазами тех, кто её слышал. Обнаружив таких, учительница истории мастерски раздувала искру любопытства в пожар страсти к познанию. Таков был дар Иры. А в остальном Ирина Геннадьевна считалась в школе сухарём. Ей были свойственны сдержанная манера поведения, скупые жесты, редкая улыбка, и редкий, но хлёсткий сарказм.

Вокруг расцветало утро. За ночь изморозь обметала чёрные голые ветви деревьев острым кружевом. Небо радовало чистым голубым цветом, а в нём кружилась огромная галдящая стая больших птиц.

Сегодня Ире предстоял особый день. Сейчас она отстоит заутреню, а потом съездит на кладбище к Виталику. Холодно, конечно, а в чистом поле, где хоронили гродинских покойников, вообще ветер свищет. Но Иру ветром не испугать. Она никогда не отступалась от большого дела из-за малого неудобства.

Возле храма уже стояли старушки, обёрнутые в несусветные тряпки. Завидев знакомую стройную фигуру, побирушки бросились вперёд. Несмотря на собственное бедственное положение, Ира всегда подавала хорошо.

Службу вёл уважаемый Ирой священник – отец Сергей. Строгий и статный, с ухоженной тёмно-русой бородкой и яркими карими глазами, он вряд ли знал о том, что многие гродинские невесты не отказались бы стать матушками при таком батюшке. Только отец Сергей семью не планировал.

В последние несколько лет отец Сергей стал для Иры не только исповедником, но и другом – не близким, но тем, к кому идёшь в самые страшные минуты своего существования. Одному ему она доверила давнюю мечту – стать монахиней, и получила отрезвляющий совет не торопиться: дар души, приносимой Богу, должен быть чист и отшлифован, как бриллиант. Иру очень тронуло, что этот суровый человек посвятил её в собственные сомнения: он и сам мечтает уйти от мира, но только после того, как победит грех гордыни, что пока не удаётся.

Выслушав наставника, Ира согласилась с ним, и с тех пор постоянно работала над даром своей души – снова, и снова, и снова.

Отец Сергей вёл самые лучшие службы из всех, на которых Ира когда-либо присутствовала, но сегодня она не могла сосредоточиться на его словах. Она жаждала отпустить от себя Виталия раз и навсегда, и – не могла. Как тоскливо без него, как одиноко! За что она должна страдать? Следом встrepенулись непрощенные воспоминания – о том, как хорошо было вместе, и вот тогда Ира покинула храм: не место в церкви таким мыслям!

Она вышла во двор. Солнце поднялось над домами, стали таять и осыпаться льдинки с веток пирамидальных тополей, растущих за оградой церкви.

«Боже, Боже! Что со мной?».

И вдруг будто бы ураган ворвался в голову – мысли гонимые, глупые заполнили сознание. Виталик, быстрый, весёлый, идёт через двор дома. Она видит его с балкона и чувствует жар своего тела. Виталик входит в квартиру, она увлекает его на кухню, чтобы мать не услышала... В тесной однокомнатной квартире Иркиной мамы влюблённым нет места, но у Виталика есть машина, старенький отцовский «Москвич». Ира помнит колючие чехлы сидений, раздражающие кожу на спине, она помнит движения ловкого тела, смех, стон, шёпот, слова любви...

А это ты помнишь – его тело в морге? Тогда, после аварии. Кровь смыли, но лицо умершего (умершего, ты поняла?) искажено. Он задохнулся в дыму. Кожа покрыта язвами ожо-

гов, волосы выгорели, руки обожжены, ногти сломаны! Умирая, он пытался открыть заклинившую дверцу «Москвича». Того самого, у которого такие колючие чехлы на сидениях.

Мама, Виталий, и нерождённые по причине незачатия дети – вот семья Иры! Призраки, призраки, призраки!

Она села на лавку, стоявшую возле ларька, где торговали свечками и иконками.

Неожиданно чья-то плотная тень закрыла солнце. Ира подняла голову и увидела незнакомого мужчину.

– Вам плохо?

– Нет. Всё в порядке...

Глаза привыкли к утреннему солнцу, и лицо доброго самаритянина проявилось в тени: очень русское лицо, органично вписанное в пейзаж храма. Молодой, худощавый, в распахнутом пальто.

Ира встала со скамьи, направилась в сторону церкви. Незнакомец последовал за ней.

После службы Ира поехала на кладбище, а вернувшись домой, принялась готовиться к завтрашним урокам.

После годовщины смерти Виталия пролетела неделя. Ира ходила на работу и в одиночестве проводила вечера, не испытывая никакого дискомфорта. Если и жалела об отсутствии общения в жизни, то только о потере связей со своими институтскими подругами. Не было больше Пятерых.

Они собирались вместе за эти годы, и не раз. В жизни Иры – по печальным датам: похороны мамы, похороны Виталика, годовщины их смертей. Дни рождения Ира больше не справляла: подруги звонили, поздравляли, но приходить не приходили. Ира успела перепортить отношения со всеми.

С Гелей – из-за её озлобленности против всех и вся.

С Соней – из-за её причастности к клану менял, изгнанных Христом из Храма.

Со Светой – по поводу её брака, который был убогой пародией на семью.

С Наташей – из-за её легкомысленности, доходящей до цинизма.

– Все вы – попугайчики, – как-то сказала подругам Ира. – Порхаете по веткам, чириаете, а за душой – ничего!

Конечно, девчонки обиделись, но если бы обиженные немного призадумались, они бы поняли, что Ира говорит так не из гордыни, а от боли. На самом деле Ира имела в виду: «Вам всем повезло, по сравнению со мной, и вы не можете понять, насколько мне нужна вера!».

Отсутствие дружеской поддержки сначала ощущалось остро, до слёз. С годами тоска по подругам ослабевала, а потом и вовсе прошла.

«Позвоню кому-нибудь! – часто думала Ира. – Ну, хоть и Светке!».

Отчего-то откладывала, поджидая подходящий душевный настрой, а после не оказывалось времени или слишком уставала на работе... И ещё думалось: а что я скажу? Где была, что видела? Светка разъезжает по заграницам, у неё жизнь кипит ключом, а я? Рассказать нечего, а плакаться стыдно.

Находились причины не звонить и остальным.

В воскресенье Ира опоздала к началу службы. Шёл Великий пост. Как всегда, больше всех в толпе оказалось женщин с городских окраин. Усталые лица, изношенная одежда и искренность поклонов этих прихожанок вызывали в душе Иры жалость. Вот так живут люди, и не метят выше, не стремятся изменить свою судьбу, не ждут счастливого часа... Молятся о простом: чтобы дети не болели и муж не пил! Это лучшие из христиан, казалось Ире, они принимают волю Бога безропотно, не ожидая награды в земном существовании.

Ира имела нескромную привычку тайком разглядывать собравшихся в церкви и придумывать каждому личную историю. Ира огляделась: вокруг немало и молодёжи, и местных буржуа, и детей, но она обратила внимание только на одно лицо: молодой мужчина, занявший место возле иконы Святого Иоанна Предтечи. Трепещущий отблеск свечей золотил русую бородку и отражался в тёмных глазах. Тонкость исхудалого лица удивляла: высокий лоб с морщинкой между неопределённого рисунка бровями, удлинённый иконописный нос с чуткими изящными ноздрями, тонкогубый рот молчуна. Но главное – выражение лица! Оно свидетельствовало о скорби и покаянии, вере и надежде. Казалось, он много пережил, грешил и мучился, но теперь видит выход, видит свет, исходящий свыше, и следует ему, и молится о прощении своих грехов.

Ира подошла поставить свечу. Мужчина поднял руку, чтобы перекреститься, и толкнул её. Глянул на Иру удивлённо, будто думал, что находится в церкви один, тихо извинился. Голос показался знакомым – это же тот самый человек, что неделю назад беспокоился, не плохо ли ей!

Минуту спустя забыла о нём, поглощённая своими мыслями.

– На тебя, Господи, уповаю, – шептала она. – Да не постыжусь вовек; по правде твоей избавь меня. Преклони ко мне ухо Твоё, поспеши избавить меня. Будь мне каменной твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня...

Поставив свечку и перекрестив лоб, Ира направилась к выходу. Нога запнулась обо что-то плотное. На полу лежал мужской бумажник из недорогих.

Церковь к этому времени почти опустела. Выйдя во двор, Ира огляделась, и только потом, опомнившись, обернулась на золотившийся в сером небе крест, осенила себя и поклонилась.

Уже на улице Ира открыла кожаную книжицу без страниц в поисках сведений о владельце. В одном из кармашков лежал троллейбусный билет с запиской: «Гагарина 84, кв. 2». Наверное, надо бы съездить туда – вряд ли это адрес владельца бумажника, но, может, на Гагарина живут его знакомые? Тогда она оставила бы кошелек им – пусть передадут.

Вздохнув – хотелось есть, и кружилась голова – Ира отправилась на остановку.

Дверь квартиры номер два по Гагарина 84 оказалась старой и обшарпанной. Нажав на кнопку звонка, Ира услышала его трель и бодрые шаги.

– Здравствуйте, – торопливо сказала она в приоткрывшуюся тёмную дверную щель.

– Здравствуйте, – ответил знакомый голос. Дверь немного отползла, открыв худощавую фигуру хозяина.

– В храме я бумажник нашла, а в нём ваш адрес...

Она протянула ему находку.

– Это мой, спасибо.

– А зачем вы адрес внутри оставили?

– Да я к другу ездил, а он дверь не открывал. Я стал писать свой адрес, а друг пришёл из магазина. И я случайно сунул билет в бумажник. Входите!

Ира заколебалась.

– Ну, хоть чаем вас угощу! Вы же устали по городу метаться!

– Вообще-то, да, устала. Но поеду домой...

– Пожалуйста!

Незнакомец беззащитно улыбался, будто боялся отказа.

– Ладно...

Через тёмный коридорчик она прошла в единственную комнату и удивилась её запущенности: ободранные обои, выбитый паркет, выдававшая виды мебель из шестидесятых.

– Садитесь, я сейчас принесу чай! У меня тут... Сами видите... Продаю квартиру...

Он исчез в коридоре и через минуту вернулся с парящим чайником и жестяным подносиком, на котором поместился нехитрый набор для русской чайной церемонии: две кружки в красный горошек, сахарница и вазочка с печеньем. Ира сама покупала такое печенье, и поэтому прекрасно знала: оно самое дешёвое.

Её новый знакомый сел за стол напротив Иры, залил кипятком чайные пакетики и поднял глаза. Ире показалось, что хозяин волнуется.

– Меня зовут Виталий.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Ира выронила ложечку, которой размешивала в кружке чай.

– Что с вами? Вам плохо?

– Нет, нет...

Пряча взгляд, сделала вид, будто смотрит в окно, и увидела на подоконнике толстую книгу в коричневом переплёте.

– Вы читаете Библию?

– Да. Вы ведь тоже в церковь ходите?

– Хожу, иначе бы ваш бумажник не нашла.

– И тоже Библию читаете?

– Только для души.

Ира смутилась: как ещё читать Библию, если не для души?!

– Я тоже начал. Сначала трудно было, но сейчас втянулся. Только вот Ветхий Завет так и не осилил...

Машинально следуя профессиональной привычке, Ира сказала:

– Немного терпения – и всё получится. Я тоже вначале с трудом продиралась. А потом решила в первую очередь интересное прочитать: Евангелия, Песню песней, Екклесиаста и Откровение Иоанна...

– Я его тоже прочитал! Вот это мне понравилось! «...достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение...».

Виталий произнёс эти слова, столь знакомые Ире, быстро, чуть нараспев. Вышло по-настоящему, просто и даже красиво.

– Да вы – знаток!

– Ветхий Завет дочитаю и буду знатоком!

Он улыбнулся. Сначала глазами – не отрывая взгляда от лица Иры, а когда она улыбнулась – и губами.

Ира смутилась и заговорила, чтобы скрыть это:

– А я больше притчи Соломона люблю: «И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль...».

– Красиво. И правдиво...

Они помолчали.

– Спасибо за чай, – Ира поднялась. – Мне пора.

– Вам спасибо!

Они вышли в коридор, Ира стала одеваться, застёгиваться, а Виталий просто стоял, опустив руки. Он не подал ей пальто, не попытался поухаживать за ней. В этом человеке вообще не было провинциальной галантности – назойливой попытки убедить женщину в её неспособности самостоятельно одеться и выйти из транспорта, да ещё и с неременной обидой, если дама не визжит от счастья, принимая ненужную помощь.

Всю дорогу домой Ира думала о Виталии. Ей показалось, что, несмотря на правильную речь, он – из среды малообразованной. На его руках темнели застарелые мозоли, он сутулился за столом, громко прихлёбывал чай, и одежда сидела мешковато. Скорее всего,

парень относится к типу самородков, людей, которые чувствуют своё предназначение и идут к нему даже через непреодолимое. И ещё: Виталий человек с прошлым.

Почему он прочитал именно эти строки из Иоанна, про агнца закланного?

Снова завертелась карусель дней.

Про нового знакомого Ира не вспоминала. Всё-таки, как ни крути, а он – молодой мужчина. Это ли ей сейчас надо, когда она решилась уйти из мира?

На воскресной службе она увидела Виталия снова, отметив про себя невероятную бледность его лица. Неожиданно он схватился за грудь и быстро направился к выходу.

Ира, ощутив смутную тревогу, пошла следом.

Виталий почти выбежал из ворот церкви, прошёл немного по улице и вдруг, согнувшись пополам, закашлялся. Приступ сотрясал всё его тело. Словно слепой, не разгибаясь, он нащупал церковную ограду и опустился возле на корточки. Ира слышала, как воздух со свистом втягивался в лёгкие Виталия. Белый платок, который он прижал к губам, стал красным.

Боже, да это же туберкулёз! Инстинкт подсказал: держись подальше! И именно эта, недостойная христианки, мысль заставила Иру склониться над больным.

– Виталий, вам помочь?

Пытаясь сдерживать кашель, он поднял на неё полные слёз глаза и помотал головой.

– Я отвезу вас домой. Нет, лучше вызвать «скорую»!

– Нет. Сейчас... Пройдёт...

– Может, нужно лекарство?

Он отмахнулся от вопросов Иры и, низко опустив голову, снова страшно закашлялся. Постарался восстановить дыхание. Вдруг резко сплюнул багровым сгустком на запорошённую снегом кромку асфальта. Ира невольно вскрикнула, выхватила свой носовой платок из кармана и бросилась – вытирать губы, поддерживать, спасать и помогать.

– Домой... – проговорил больной, принимая заботу Иры.

Он вдруг ослаб и всё ниже оседал в её руках.

– Сейчас поймаю такси!

Она пристроила Виталия у ограды, а сама бросилась к проезжей части.

В машине Виталий почти не кашлял, а только тяжело дышал, откинувшись на спинку сидения. Ира беспокойно поглядывала на больного, опасаясь, что у него, как у «дамы с камелиями», пойдёт горлом кровь. Однако ничего такого не произошло.

Она отметила про себя естественность, с которой Виталий принял её помощь. Как больное беспомощное животное, вверяющее себя в руки хозяина – с молчаливым пониманием необходимости.

В такси оба молчали, Виталий только достал уже знакомый Ире бумажник и протянул ей пятьдесят рублей. Когда машина остановилась у подъезда дома, Ира расплатилась, и они вышли.

– Дальше вы сами?... – полуутвердительно спросила она.

– А... – он помялся, но решился предложить: – Зайдите ко мне, пожалуйста!

Отказать тяжело больному человеку Ира не могла.

– Ну, хорошо.

– Спасибо!

Его глаза засмеялись, он поймал лучик её улыбки и улыбнулся в ответ. Тут же, вдохнув холодного воздуха, раскашлялся снова. Ира всплеснула руками и потащила Виталия к подъезду.

Дома Виталий принял какие-то лекарства, согрелся, задышал ровнее. Ира снова пила с ним чай, поддерживая неважный разговор. Про себя Ира гадала: сколько ему лет? Что делал в прежние годы? Чем сейчас занимается?

– Вы один живёте?

– Да, я сирота.

– Я тоже. Работаете?

– Да. На заводе. Я по металлу...

– Любите свою работу? – в Ире всегда сидел педагог и никогда долго не молчал.

– Люблю? – с недоумением переспросил Виталий. – Работа как работа. Я один совсем остался, мне работать надо, иначе есть нечего будет.

– А я люблю свою работу. Я учитель в школе.

– Почему-то я так и подумал.

– На лбу написано?

Виталий кивнул, и оба рассмеялись. Потом, как туча находит на солнце – повисло пустое молчание. Хозяин квартиры, насупившись, опустил глаза, Ира тоже ощутила неловкость: может, пора уходить? Но оказалось – другое. Виталий помолчал немного, бессмысленно болтая ложечкой в чашке с чаем, и стал говорить совсем иным тоном:

– Вы, наверно, думаете: чего он ко мне пристал, да?

Ира изобразила на лице вежливое «что вы, что вы!».

– Но не можете же вы просто общаться с человеком, не зная, кто он и что? Ведь не можете!

Ира пожала плечами.

– Мне показалось... извините, что я вот так прямо рублю, но мне и впрямь показалось, что мы с вами имеем нечто общее в душе! Я мало хороших людей видел, но вот вас сразу понял. Вы – добрый человек, вы в Бога верите, и ещё есть в вас нечто такое, что я в людях ценю. Это, как бы выразить? Нестяжательство, отрешённость... Вы видите во мне не наносное, а то, что я от всех прячу.

– Я не хотела лезть вам в душу.

– Ну, вот... – расстроился Виталий, – что-то не то сказал!

Ира решила не утешать его: для будущей монахини душевные разговоры наедине с молодым мужчиной могут превратиться в испытание.

– Мне бы только не хотелось, чтобы вы плохо обо мне подумали... Ну, будто я пытаюсь, понимаете, к вам... пристать...

Виталий покраснел, ссутулился, отвёл взгляд, что сделало его похожим на ребёнка.

– Я так не думаю, – сказала Ира. – Просто мне пора домой! Кстати, как вы себя чувствуете?

Она встала.

– Нормально, – Виталий тоже поднялся с места. – Я провожу вас?

– Нет, сидите дома. Лучше бы вам не выходить сегодня.

Они попрощались в тёмном коридоре, и Ира вышла на улицу.

Весна брала своё: ещё прохладный воздух, налитый запахами влажной земли, обладал волшебным ароматом. Солнце наполняло собой мир, делая его больше, просторнее, радостнее.

«Как всё в природе просто! – думалось Ире. – Вот, пережили зиму – и слава Богу! Теперь будем гнать почки и раскрывать листья, плодоносить, выводить птенчиков, рожать котят и щенят. Лишь бы нашлась еда и вода, а заморозков и злых людей не было!»

Ира приехала домой, переделась в домашнее, достала свои книги. Надо поработать, пока светло. Через несколько минут Ира поняла, что никакая работа на ум не идёт. Хотелось поговорить, посмеяться, поделиться с кем-нибудь своей нехитрой историей.

Ира придвинула телефон и набрала городской номер Светы. В мобильной связи Ира смысла не видела, потому и не пользовалась. Однако сейчас пожалела об этом, потому что

трубку взял Ванечка Фирсов, Светкин муж. Он был обладателем изумительно глубокого, выразительного, сильного голоса, а также славился исключительной мерзотностью характера. Как милая и хорошая Светка Ключкина попала в его лапы, Ира до сих пор не понимала. Не могла же польститься на его хорошенькое личико и папу-ректора! Светка не такая. Тем не менее, с реалиями не поспоришь: хочешь слышать подругу – поговори сначала с её мужем.

Скороговоркой представившись, Ира попросила Свету. Ванечка понёс трубку жене, по дороге прокомментировав звонок таким образом, чтобы Ира расслышала: «Твоя святоша звонит. С того света, наверное!».

– Привет, Ирка! Ты куда пропала?

У Светки тоже был очень красивый голос, только он вполне соответствовал красоте её души и тела. Ира считала, что её подруга – самая красивая женщина из всех, кого ей приходилось встречать в жизни.

– А ты? Ты куда пропала?

– Один – один!

Хрипловатый смех Светки разбудил память: их общее прошлое быстрой красочной змейкой промелькнуло в мыслях Иры и где-то спряталось.

– Как ты? – спросила Ира. – Как Маришка? Она ведь в Лондоне?

– Маришка звонит раз в неделю, – голос Светы потускнел. – Говорит, что скучает, хочет скорее приехать домой. Но каникулы будут только летом. Сейчас, на маленьких каникулах, поедет во Францию, Диснейленд. А в общем, всё нормально. Как ты?

– Я... Живу потихоньку, работаю... В школе всегда суeta, сама понимаешь. На прошлой неделе была на кладбище у Виталия. Потом к маме поехала.

– Понятно... Сейчас, иду! – сказала Света в сторону.

Можно было не сомневаться, что Ване неприятен звонок нищей подруги жены, а Света слишком зависела от мужа, чтобы игнорировать его недовольство.

– Ты не можешь говорить?

– Да нет, всё в порядке, – быстро ответила Света, но Ира уже знала, что разговор окончен. Она попрощалась, хлопнула трубкой по рычагу старенького аппарата.

Разговаривать и делиться событиями своей жизни расхотелось. День прошёл за бездельем, тщательно замаскированным под ежесекундную занятость.

Вечером Ира снова подумала о Виталии. О своём новом знакомом Виталии. Как он там? Ведь он болен! А вдруг ему хуже?

Если бы речь шла не о парне со стройной фигурой, иконописным лицом и милой улыбкой, а о какой-нибудь старушенции, Ира бросилась бы помогать, не рассуждая. Ну, и какая она после этого христианка? Не помочь человеку только потому, что он молодой и симпатичный – это же сплошное ханжество! Надо быть выше.

Ира глянула на часы: половина седьмого.

Виталий распахнул дверь сразу после её звонка, будто ждал в прихожей. Увидев Иру, широко открыл глаза и спросил:

– Вы что-то забыли?

– Я беспокоюсь за вас.

Она уже перестроилась на миссионерский лад, забыв о робости и смущении.

– Ой! – сказал хозяин смущённо. – Да я ничего уже... Это утром... А сейчас...

– Вы впустите меня?

Виталий посторонился, и она вошла.

– У вас есть холодильник?

– Да, на кухне.

Ира прошла на кухню. Её дизайн был лаконичным до убогости: стол у окна, двухконфорочная грязная плита, холодильник «Москва» – ровесник оттепели 60-х, оббитая эмалированная мойка, шкафчики в жирных пятнах. Всё это на фоне крашенных голубой краской панелей.

В холодильнике пахло затхлостью. На полках нашлись пакетики с китайской лапшой по четыре рубля, дешёвые консервированные овощи, незаменимая кабачковая икра. Виталий постился и экономил одновременно. На таком рационе, поняла Ира, выздороветь невозможно. Хорошо, что она это предусмотрела!

Ира поставила на стол хозяйственную сумку и выгрузила из неё пакет молока, десяток яиц, баночку сметаны и ингредиенты для задуманного ею постного борща.

– Я не буду это есть в пост! – возмутился Виталий.

– Вы больны, вам надо нормально питаться! У вас ведь туберкулёз?

Ира прищурилась в ожидании ответа, как стрелок, высматривающий, попал ли он в цель. Виталий испуганно глянул на неё, понял, что разоблачён, и опустил голову.

– Чего вы стесняетесь? Я заразиться не боюсь.

– Я другого стесняюсь.

– Чего это?

– Сядьте хотя бы...

Ира села на табуретку у стола. Виталий сел напротив.

– Ну?

– А как вас зовут?

– Я не говорила? Ира меня зовут.

– Ирина... Чудесное имя! Решительное и мягкое, как вы. Правда, всё хотите знать?

– Конечно!

– Я в тюрьме сидел, – произнёс он с вызовом. – Испугались? Да, я – урка, самый настоящий. В тюрьме я заразился туберкулёзом, и там начал читать Библию.

Ира замерла на месте. За свои тридцать два года она ни разу не видела живого уголовника. Она понимала, что где-то кто-то ворует, убивает, насилует и совершает теракты, но все эти ужасы происходили на другой планете. Теперь перед ней сидел такой инопланетянин.

– Вы теперь уйдёте?

– Да я, вроде как, не могу...

Прислушавшись к себе, Ира услышала голос веры: это испытание!

– Если хотите, я всё расскажу.

– Что же, рассказывайте, а я займусь борщом.

«Господи, пусть он не будет убийцей или насильником!», – взмолилась она.

– Я, Ира, в тюрьму за кражу попал. Да, я был вором, квартирным вором. Это стыдное прошлое, мне и вспоминать-то тошно. Моя мамка – совсем простая тётка – полы в больнице мыла, выпивала по вечерам, папаш новых мне каждый день водила. Мы, уголовники, никогда не виноваты, – он хмыкнул. – Вы, Ира, нам не верьте! Слезу вышибать горазды! Вот и я всегда говорю, что у меня другого пути не было. Пацаны, у кого папки нормальные и мамы не выпивали, со мной не водились – интересы у них другие! Секции там разные – футбол, лёгкая атлетика. А мне футбол этот по барабану был. Я с такими же дворовыми курил за забором стройки и девкам вслед свистел. Все мои интересы! Ну, анекдоты пошлые, ну, портвейн лет с четырнадцати. Потом картишки на бабки. А мне всегда везло в карты. Некоторые думали, что я мухлюю, только я не мухлевал. С одним кентом мы подрались за это. Я ему нос сломал, а его мамаша меня в колонию уpekла на десять месяцев. Там я другами обзавёлся – закачаешься! Из колонии вышел крутым, как варёные яйца! – Виталий горько рассмеялся: – Эти-то друганы и научили меня, как от мамы не зависеть и рубли

не кланяться. Сначала на стрёме стоял, а уже потом стали меня внутрь пускать. Только на девятой краже взяли.

– Гордитесь ловкостью?

– Горжусь в жизни только одним – что ума хватило завязать!

– И как же это случилось?

– Да как? Подумал я: вот откинусь, выйду, что дальше-то? Опять за старое? Потом – опять в тюрьму? Я видел там таких, они по десять ходок сделали. Старые хрычи, кому нужны? Кто их ждёт на воле? А мать уже хату свою пропила и померла. Мне вообще идти было некуда. Эта вот квартира от деда досталась. От деда жены.

Ира не сдержала разочарования:

– Ты женат?

– Был женат... Она умерла.

– Ох, прости моё любопытство!

– Ничего, – Виталий смотрел в окно, в темноту двора. – Я женился сдуру, сразу после второй отсидки. Семью мне хотелось! А жена моя, царство ей небесное, шалава была полная.

Шокированная в третий раз Ира покосилась на рассказчика.

– Она умерла, когда ребёнка рожала. Не моего. И ребёнок умер. Так что, когда я в третий раз тюрьму попал, у меня была жена, а когда вышел – уже не было. А чуть позже дед её помер, и так уж вышло, что кроме меня, наследников не нашлось. Вот.

– А почему Библию читать стал?

– Душа запросила. К нам туда священник ходил. Мы не слушали его, ржали над ним. Он такой благостный был, кругленький. Шуточки наши терпел. Его и за рясу в тёмных углах хватали, и мочой полили разок... Извините, – опомнился он. – Я забыл, что с вами говорю. Вроде как сам с собой! Да... А потом как-то мы с ним разговорились. Раз, другой, и стало мне что-то открываться особенное, настоящее... Я потом кентам сказал: кто тронет его – пасть порву!

Ира невольно рассмеялась, Виталий её поддержал.

– Кем ты был... Папаном?

Он расхохотался до слёз:

– Чего?... Папаном? Пахан это называется!

– Да какая разница! – смеялась с ним Ира.

Успокоившись, Виталий продолжил:

– Нет, не был я паханом, конечно. Просто народ в тюрьме такой: если нет сопротивления – задолбят до смерти, а если силу показать – отстают постепенно.

– Борщ готов! – объявила Ира. – Мой руки и садись есть.

– Так быстро? Я думал, готовить – это долго!

– Ну, борщ-то постный! Лишь бы картошка сварилась. Бульон не готовится, капуста квашеная – поэтому быстро. А туберкулёз ты лечишь?

Вопрос был, как и все вопросы сегодня, бестактным.

– Я не лечусь... – помрачнел Виталий. – От болезни умереть – это не самоубийство.

– Виталий, что ты городишь? – Ира не заметила, что перешла на «ты». – С прошлым ты завязал, Бога в душу принял, живой, молодой, всё впереди! Зачем юродствовать? Всё будет хорошо! Чего тебе не хватает? Шику воровского?

– Да нет, глупости это всё... Всё так, как ты сказала. Только... Я один совсем! Прости, что напрямую говорю, вроде как жалости прошу, только это – правда! Теперь я на жизнь по-другому смотрю, всё мне кажется иным. Вот, когда про жену узнал, думал: хорошо, что сама сдохла, а то бы убил! Но сейчас – простил бы её, и даже ребёнку обрадовался бы. Вот у тебя, небось, семья, ты и не знаешь!..

– Ошибаешься. Я совсем одна. Хочу постриг принять.

Последнее Ира ещё никому, кроме отца Сергия, не доверяла. Виталий, перестав жевать, смотрел на Иру. Она читала в этом взгляде восхищение и нечто вроде зависти.

Ира налила борщ в тарелку, положила сметану: Виталию необходимо получать больше калорий, для борьбы с болезнью.

– Ладно, поздно уже, пойду я.

– Спасибо вам и за борщ, и за разговор.

Виталий предложил было проводить гостью, но она отказалась, снова сославшись на состояние его здоровья.

На прощание Виталий сказал:

– В следующее воскресенье встретимся в церкви, да?

– Да, у тебя телефон есть?

– Нет.

– Ладно, запиши мой номер, вдруг что-нибудь понадобится!

Ира вышла на улицу. Ну что же это такое пахнет вечерами весенними? Ещё ничего не цветёт, ещё только снег сошёл, а воздух – будто молодое вино!

На неделе Виталий не позвонил, но Ира и не ждала. Она действительно дала свой номер только на крайний случай. Если бы он всё-таки позвонил и стал болтать о ерунде, Иру это неприятно удивило бы.

В воскресенье утром снова похолодало и выпал снег. Несмотря на его пушистую трогательную белизну, он никого не обрадовал – всем хотелось тепла.

В церковь Ира прибежала замёрзшая, румяная и оживлённая. Виталий уже был там. Они сдержанно поздоровались и всю службу молча стояли рядом, но Ира постаралась держаться так, чтобы отец Сергей не догадался о её новом знакомстве.

Виталий снова выглядел нехорошо, и глаза его казались больными, но не кашлял, дышал ровно. Прислушиваясь к его дыханию, Ира пропустила всю службу.

После причастия, а это в православном каноне мероприятие не быстрое, усталые, они вышли на воздух.

– Хотите есть? – спросил Виталий. – Хочу угостить вас постной выпечкой. У нас на заводе в столовке одна повариха готовит булочки для постящихся. Вкусные!

– Булочки? Ужасно хочу!

К дому Виталия отправились пешком. Теперь они ощущали себя на порядок ближе друг к другу: в реке диалогов обнаружились холодные и тёплые течения, подводные камни, водовороты и водопады. Говорить хотелось бесконечно.

– Ира, а у тебя много друзей?

– Было много, – ей не хотелось вспоминать грустное. – Теперь почти не общаемся. А что?

– Нет, ничего. Только попросить хотел...

– Что?

– Не говори обо мне никому, ладно? У меня такое прошлое, что самому с собой общаться противно. Обещаешь?

Представить себе, с кем бы она могла обсудить свои отношения с бывшим вором и туберкулёзником, Ира не смогла. Даже отцу Сергию не доверилась бы – он решит, что она легкомысленная финтифлюшка, мающаяся дурью: в монастырь или на свидание?

– Хорошо, если так хочешь.

– Спасибо.

Они старались видеться как можно чаще. В понедельник вместе ужинали, снова у Виталия. Во вторник он взял отгул, а у Иры был всего один урок, и после него они поехали

на кладбище. Ира проведала своих, а Виталий показал неухоженные могилы матери, жены и её ребёнка. Ира решила про себя, что как только потеплеет, она наведёт здесь порядок.

После кладбища зашли в церковь, поставили свечи, отстояли службу и снова ужинали у Виталия. После ужина Ира уехала домой, а Виталий её провожал.

В среду Ира задержалась на классном собрании. Вечером позвонил Виталий, и они говорили до тех пор, пока у него не кончились деньги на таксофон.

Всего за несколько дней жизнь Иры круто переменялась: у неё появился Виталий. За самое короткое время он сумел проникнуть в её мир настолько глубоко, что без него не мыслился ни один шаг. При этом их чувства ещё не переросли дружбу, о взаимном влечении они молчали.

В четверг вдруг резко потеплело, подул редкий для Гродина южный ветер и разогнал облака. После уроков Ира увидела Виталия на остановке: оказывается, он ждал её, чтобы пригласить погулять. Вечер был чудесный, и она, не скрывая радости, согласилась пройтись.

Разговор снова зашёл о работе. Виталий рассказал, что устаёт после смены страшно.

– Тяжело всё-таки! – жаловался он. – Думаю, я не способен к такой напряжёнке.

– А к чему ты способен? Везде работать надо, чтобы чего-нибудь добиться!

– Если бы я смог в своё время поступить в институт, – мечтательно, совсем без обиды ответил Виталий, – я бы поступил на гуманитарный факультет. Ну, вот где ты училась?

– На историческом.

– Вот! И я бы там учился! Я люблю историю. Романы исторические люблю, фильмы про всё такое, древнее. Про рыцарей и турниры.

– Средние века – необыкновенно интересное время. Сколько поучительных уроков человечеству!..

– Да? – Он стал похож на её учеников – такой же галчонок с открытым клювом, в который она положит червячка знания. – А чего там тебе интересно?

– Да вот хоть религия. Мне интересно было в своё время, почему у нас, в России, церковь не превратилась в такого же спрута, как в Европе.

– И как, выяснила, почему?

– Мне кажется, да.

– А что ты читала?

Ире так нравился разговор, что она не заметила, как переменялся тон собеседника.

– Я читала всякие исследования учёных, монографии, обращалась к источникам. Буллы папские, письма тех времён, «Молот ведьм»...

– Что это?

– Это, как бы сказать, учебник для инквизиторов. Мы в институте даже шабаш на Вальпургиеву ночь организовали...

– Смотри, – перебил её Виталий, указывая на небо. – Луна такая яркая! Неужели завтра похолодает опять?

Тема разговора сменилась. Вдруг – как всегда бывает при интересном разговоре – Ира поняла, что они уже пришли к «Лермонтовскому» и к дому Виталия. Он, не спрашивая её, открыл дверь, и они вошли в знакомую прихожую. Ира уже привыкла к особому холостяцкому запаху этого жилища, он ей даже нравился теперь. Она спросила о продаже квартиры, а Виталий сказал, что раздумал продавать.

– Почему?

– Планы изменились... Ты не ругай меня, ладно? Понимаешь, я был в таком отчаянии, что думал продать квартиру, деньги отдать на церковь, а сам... Ну, помнишь, мы говорили...

Виталий прятал глаза. Ире вдруг стало мучительно жаль его бедную заплутавшую душу, попавшую в пучину одиночества. Как сложен выбор своего пути, как глубоки сомне-

ния, терзающих каждого из нас! Ира тоже была такой недавно: отчаявшейся, оставшаяся в открытом море без путеводного луча маяка...

Ира обняла его, а когда захотела отстраниться, Виталий не отпустил. Его губы коснулись её шеи. Она повернула лицо навстречу этим милым губам...

В следующее воскресенье Ира вошла в пахнущий ладаном сумрак под белёными сводами храма. Ире хотелось улыбаться всем, желать счастья. Она верила, и вера привела её через испытания к счастью.

Виталий стоял на своём любимом месте – возле иконы Святого Иоанна Предтечи. И вновь пламя свечей отражалось в глазах, и на щеках играл румянец, и губы были плотно сжаты. Они поздоровались одними глазами.

Ира прекрасно понимала, что совершила грех, и очень серьёзный грех, предавшись любви в Великий пост. Искренне раскаиваясь, Ира совершенно не жалела об этом. На то мы и православные, чтобы грешить и каяться! Бог простит нам это, он всё про нас знает.

После службы они гуляли, разговаривали, пили чай в кафе на площади, и мир царил в её душе. Только вот Виталий был каким-то нервным.

– Что с тобой? – не выдержала Ира.

Он поднял на неё глаза, полные слёз. Это было так неожиданно, что Ира испугалась.

– Дорогая моя, любимая, я не хочу с тобой расставаться!

– Да о чём ты?

– Я должен уехать...

Она не верила своим ушам: Бог снова испытывает её.

– Ирочка, меня нашли прежние дружки. Они считают, что я должен им, так как оказался виноват в том, что нас менты загребли. Понимаешь, я тогда...

– Это неважно. Что ты собираешься делать?

– Они хотят от меня очень много денег.

– Давай продадим твою квартиру, будем жить у меня!

– Нет, намного больше.

– Тогда и мою.

– Они возьмут деньги и придут снова. Мы не сможем заплатить, и они убьют меня. Это страшные люди!

– Так что же ты собираешься делать? – повторила она свой вопрос, уже почти плача.

– Я должен бежать.

– Я с тобой.

– Это опасно, Ира! Я не смогу тебя защитить.

– Мне всё равно.

– Ира... – слёзы превратили его глаза в драгоценные камни. – Это слишком великий дар для такого неудачника, как я! Но если ты решилась...

– Решилась! Будь что будет! Я люблю тебя!

– Ира... Тогда ты должна исчезнуть тайно. Придумай что-нибудь, соври, чтобы все думали, будто ты уехала одна. Обо мне – ни слова!

– Я скажу всем, что ухожу в монастырь.

Она очень обрадовалась этой идее: как хорошо звучит! Пусть все крутят у виска, мол, Ира совсем спятила! И никто не догадается...

– Тогда так, – решил Виталий. – Завтра ты увольняешься, а послезавтра мы уезжаем.

Через два дня, двадцатого марта, в восемь часов Ира стояла на остановке возле своего дома. Сегодня у них с Виталием – последнее свидание перед отъездом.

– Семечки! Семечки! – противно гнусила у Иры за спиной алкоголичка Ларка.

Она жила в соседней квартире – Ирин антипод, падшая женщина во всей красе: с молодым, но мятым лицом, испачканным дешёвой косметикой, с худым, но дряблым телом, прикрытым яркой грязной одеждой. Пока трезвая – злыдень, когда пьяная – душка.

– Здравствуй, соседка! – услышала Ира.

Ларка была в своей пьяной ипостаси.

Ира раздумывала: стоит ли ей здороваться, когда возле остановилась большая серая иномарка.

На подъехавший автомобиль Ира внимания не обратила, но дверь со стороны пассажира открылась, и она, узнав водителя, улыбнулась, пожала плечами и села в машину. Домой Ира больше не вернулась.

З. А.

«Умерла первая ведьма, относящаяся к типу Сатурна».

Часть 2. Марс

Новый поджог церкви. Обвиняются сатанисты

Вчера ночью в дежурную часть Гродинского управления государственной противопожарной службы МЧС России по Хлебному району поступило сообщение о возгорании церкви. На этот раз пожар возник в храме Спасителя, расположенном в селе Ивановском, центре Хлебного района. Специалисты считают, что причиной возгорания послужили бутылки с зажигательной смесью. Как рассказали в пресс-службе УГПС, огонь уничтожил деревянный храм Спасителя почти полностью. Возгоранию была присвоена высшая категория сложности.

Можно с уверенностью сказать, что церковь в Ивановском, как и храм Успения в Гродине, подожжены злоумышленниками. Возможно, поджог организовали сатанисты, следы деятельности которых находят жители многих окрестных сел, в основном, на кладбищах и в уединённых местах. Прокуратурой области возбуждено уголовное дело по факту поджога. Ведётся следствие.

А. Маловичко

Газета «Алхимик» от 22 июня 2003 года.

15 мая – 22 июня

– Незачем братья за то, на что мозгов не хватает! – услышала Геля, сидевшая, опустив голову, за своим столом на кафедре истории и культурологии Аграрного университета. Только что завершилось заседание кафедры, на котором заведующий сообщил о Гелином провале перед ректорской комиссией.

Хлопнула дверь.

Не поднимая головы, Геля догадалась: она услышала мнение Вики Петренко, местной звезды, которая, на своё счастье, уже удалилась. Геля находилась в таком состоянии, что, если бы Вика не ушла сама, то оказалась бы бита ногами!

Кристально-чистая злость, обвальная, разрушительная, поглотила Ангелину Черкасову. Она вскочила с места и великолепным броском запустила в кафедральную люстру 400-страничным кирпичом «Основ культурологи». Люстра, имевшая три рожка из непрозрачного стекла, приняла учебник самым своим сердцем и, мигнув, выдержала удар. Зато завкафедрой Михаил Терентьевич Корытников не выдержал:

– Ангелина Николаевна! Что вы себе позволяете?

Сотрудники забубнили, выражая осуждение и некоторое злорадство. Ещё бы! Ах, Гелечка! Ах, какая умница! Ах, какой папа у неё умник! Всю кафедру облагодетельствовал: купил в кабинет альбомы по искусству. Сделаем Гелечку за это старшим преподавателем, несмотря на то, что кандидатская у неё на нуле, а годиков уже тридцать два! Ту же Вику потеснили, и ещё кое-кого, кому сейчас Гелькин провал и Гелькина детская выходка окажутся на руку.

– Ангелина Николаевна! – повторил Корытников, но теперь с отеческими интонациями, – Вы успокойтесь, сядьте! Мы тут все свои! (Геля оглядела ханжеские рожи вокруг себя и показала в злой улыбке белые клыки). Вам давно пора за ум взяться. Где ваши публикации? Где глава для методического пособия? У ваших студентов самые плохие знания по предмету, на ваших лекциях – сорок процентов непосещаемости!

Геля молчала. Её трясло от этих разборок, её тошнило от патернализма этого толстого козла. Притом она боялась открыть рот, потому что знала: если откроет, то рыгнёт на коллег синим пламенем и будет поливать огнём, пока не испепелит вчистую.

Задрав нос, Черкасова встала, молча прошествовала к выходу. Потом картинно остановилась, обернулась на бывших теперь сотрудников, демонстративно громко хмыкнула и вышла в коридор, треснув дверью.

Избалованная в детстве бабушкой и воспитанная без капли любви отцом и матерью, увлекающаяся идеей из-за красоты её звучания и отрицающая непреложные истины, холодная и порывистая, ласковая и жестокая, Геля относилась к тому типу людей, которые никогда не взрослеют по-настоящему. В ней нелогично сочетались детская безответственная шаловливость, подростковый максимализм, девичья мечтательность и скрытая жестокость самки, потерявшей детёныша.

Неудивительно, что – выражаясь фигурально – Гелю носило по бездорожью самых разных идей. В институте, переживая лучшее время своей жизни, она увлеклась феминизмом, а следом объявила себя лесбиянкой. Надо признать, что для того времени это звучало смело, что Гелю заводило – до тех пор, пока слова не приходилось подтверждать делом.

После увядания розового периода Геля воспылала интересом к оккультизму. Она научилась гадать на картах и предсказывать судьбу. Следом загорелась идеей ехать на Кубу, помогать последнему в мире социалистическому острову отстаивать себя в мире капитала. Затем последовал период осмысления нищестанства, но он продлился недолго.

Окончив истфак, Геля уехала в археологическую экспедицию, раскапывающую курганы в Монголии. Из экспедиции Черкасова вернулась беременной, виновник её положения заявил, что их роман был ошибкой. Из чистой злобы Геля пошла на аборт, а уже на следующий день жестоко раскаялась: убийство ребёнка стало страшным потрясением, перевернувшим её мир.

После аборта Геля словно бы завяла: она неделями лежала в кровати, читая легкомысленную литературу и временами плача без повода. Понаблюдав за ней, отец решил, что дочери надо работать, и пристроил её на кафедру культурологии педагогического института.

Геля смирилась.

Постепенно она возвращалась к себе настоящей, попутно осознавая, что сидит по уши в болоте. Ненастоящие интеллигенты неискренними голосами воспевали несуществующую высокую культуру Гродина. В атмосфере пафоса и лжи Геля начала предчувствовать ментальную гибель. Спасаясь, стала игнорировать работу, а теперь провалилась на комиссии, что означало: ждать повышения и прибавки к зарплате не стоит.

Геля решила уволиться.

Незадолго до комиссии потерпела крах и личная жизнь Гели: её парень ушёл к другой. Объяснил так: она беременна, и мне надо на ней жениться. Гелю поразило, что он встречался одновременно с двумя девушками, а Антон объяснил, что виноват: влюбился в обеих и не мог выбрать. И вот – выбор за него сделала судьба. Ледяная волна обиды, ненависти и бессилия затопила Гелю.

Её озлобление росло. Светка была замужем, у неё росла дочь, Наташка вышла замуж и родила сына, Сонька тоже воспитывала наследника. Слушая рассказы подруг о детях, встречая по дороге счастливых мамаш с их отпрысками, Геля убеждала себя, что родительское самодовольство отвратительно.

Ещё больше ненавидела Геля влюблённые пары. Она осматривала каждую, мысленно придираясь, растапывая девушку или парня, или обоих: у этой бабы слишком толстые ноги, у этого парня торчат уши! Понимая, что надо бороться со своей тёмной стороной, Геля одёргивала себя, но со временем – всё реже.

Вскоре она почти прекратила встречаться с подругами – отчасти по собственному желанию, отчасти потому, что и они стали сторониться её.

Иногда Геля вспоминала, как хорошо было им Пятерым вместе...

Студенты в коридоре сновали косяками и поодиночке, со всех сторон Геля слышала «Здрасьте!», а ответить не могла: горло сдавил спазм. Пытаясь успокоиться, подошла к окну, глубоко вдохнула и выглянула на улицу.

Взгляд случайно упал на припаркованную к обочине крутую иномарку. Гладкие блестящие бока машины радовали глаз. Геля представила себе, как она садится в кожаные кресла такого вот авто и уезжает из этой жизни – навсегда!

Вдруг из машины Гелиной мечты вышел хорошо одетый молодой мужчина.

«С таким уехать было бы вдвойне приятно!», – решила Геля.

Он обошёл автомобиль и распахнул дверцу перед... Викой Петренко!

Геля стиснула зубы. Она помнила кафедральные сплетни о том, что муж Вики – бизнесмен, владелец цеха по производству колбасы. Петренко недавно купили новую квартиру в центре, 150 квадратных метров роскоши, отдыхают по два раза в год за границей. И у них есть ребёнок!

«Почему одним – всё, а другим – ничего?», – злость сменилась жалостью к себе.

Нацепив тёмные очки (надо же, она не забыла на кафедре сумку!), Геля покинула здание института. Идти домой не имело смысла: мать только и ждёт повода запилить дочь до смерти.

Геля побрела по городу в оцепенении, нахлынувшем после приступа злобы. Чтобы протянуть время, зашла в ЦУМ, купила лак для волос и ненужную губную помаду. Совершенно случайно набрела на ювелирную мастерскую, вспомнив, кстати, что у неё сломался замочек на золотой цепочке.

В маленьком помещении у окошечка для приёма заказов собралась очередь в несколько человек. Первой стояла пожилая женщина, просившая отполировать ей крестик. Увидев старинный православный крест, Геля вспомнила Иру Китаеву.

За старушкой стояли мужчина и женщина – парочка! Мужчина симпатичный, черно-волосый и стройный, женщина – молодая блондинка. Судя по их неброской, но дорогой одежде, купленной явно не на гродинском вещевом рынке, вкус и деньги у парочки имелись.

Геля отвела от них завистливые глаза. А они демонстрировали приёмщице драгоценности.

– Эти серьги мы уже носили в ремонт, но нам сказали, что здесь ничего поделывать невозможно, – говорила женщина. – А это кольцо мне муж на годовщину свадьбы подарил, но оно большое. Можно его уменьшить?

– Покажи ещё цепь, – сказал муж. – У нас ребёнок, три года. Порвал её.

Геля передёрнулась: опять! У всех – деньги, дети... Ох, как тошно!

Она отвернулась и встретила взглядом с парнем, занявшим очередь за ней. Бритый, с трёхдневной щетиной на лице и нагловатыми выразительными карими глазами. Непонятно с чего он усмехнулся и подмигнул Геле. Она возмущённо отвернулась.

Тем временем парочка, нахваставшись своей нехилой житухой, направилась к выходу. Драгоценности она забрала с собой, не удовлетворившись сервисом мастерской.

Геля уже шагнула к окошечку, когда неожиданно почувствовала прикосновение к своему локтю. Обернувшись, увидела лысого.

– Девушка, помогите мне!

И властно потянул за собой.

Не успев ничего подумать, Геля оказалась на улице. Гадкая парочка стояла посередине тротуара. Блондинка ещё держала в руках замшевый мешочек с безделушками.

– Отвлеки мужика! – тихо скомандовал бритый.

И тут Геля всё поняла. Она подошла к мужу блондинки, предварительно нащупав в сумке гладкий длинный цилиндр.

– Извините, можно вас спросить? – произнесла Геля, и когда мужчина повернулся – направила струю лака для волос прямо ему в глаза.

Несколько секунд мужик стоял, не шевелясь, а потом заорал от боли. Его жена тоже повернулась к Геле – ещё не понимая, что произошло. Воспользовавшись заминкой, бритый вырвал из рук блондинки замшевую сумочку и рванул прочь. Геля успела брызнуть лаком и в рожу блондинке, а потом бросилась следом за лысым, радуясь, что на ней сегодня свободные брюки и кроссовки.

Прохожие шарахались в разные стороны, сладкая обворованная парочка вопила на все голоса, а Геля почувствовала такой мощный выброс адреналина, что даже засмеялась. Как будто ей двенадцать лет, и она вместе с приятелями ворует яблоки в саду злой соседки!

Бритый бежал не в полную силу, а так, чтобы за ним успевала помощница. На ходу он кивнул ей – направо, скорее! – и свернул за угол. Она повторила его манёвр, чуть не врезавшись в роскошную тачку, стоящую прямо за поворотом. Резко затормозив, Геля разглядела вишнёвый двухдверный «Мерседес» – спортивный кабриолет с откинутым верхом. В это чудо автомобилестроения ловко впрыгнул её партнёр.

– Быстрее, садись сюда!

И Геля перескочила через закрытую дверцу со стороны пассажирского сидения, упав в разогретое солнцем кресло. Получилось легко и ловко.

Парень одобрительно улыбнулся, кабриолет, взревев как дикий застоявшийся зверь, рванул с места.

Вишнёвый «Мерседес» летел по полуденному Гродину, пыльному, затоптанному и заплёванному городишке, где никогда не случается чудес. Геля слегка обалдела от ветра, от скорости, от мелькания машин, но больше всего – от сознания того, что едет в роскошной тачке и все её видят.

Она глянула на лысого, сидевшего рядом и шутившегося от яркого солнца. Он поймал её взгляд, жестами велел открыть бардачок и поискать там тёмные очки. Геля выполнила его просьбу, достав весьма дорогой и стильный оптический прибор. Передала лысому; стараясь перекрычать уличный шум, ветер и рычание мощного мотора, громко спросила:

– Куда едем?

Водитель, спрятав весёлые глаза за стёклами, так же громко ответил:

– Увидишь!

Вообще-то следовало вернуться на бренную землю и спросить саму себя: ты поняла, что только что участвовала в ограблении? Но Геле не хотелось этого делать, точнее, она уже всё осознала, и судить себя не собиралась. Если привычный мир отверг Гелю, то она станет на другую сторону! Это будет её форма протеста и, если честно, давненько она не протестовала!

В мечтах Геля уже видела себя окружённую дерзкими романтиками преступного мира, шикарно и вызывающе одетую, крутую до беспредела. Она с мужчинами, которые не боятся ректорских проверок и закона! Живут, как ветер, прожигают жизнь в кутежах, катаются по миру – беспечные, жестокие и самоубийственно удачливые.

– Эй! – услышала Геля голос спутника. – Ты спишь?

– Нет!

– Есть хочешь?

– Да!

Вишнёвый «Мерс» нагло пересёк встречную полосу, распугал пешеходов и выскочил на тротуар. Геля увидела вывеску нового, но уже модного ресторанчика с забавным названием «Золотой каплун». Здесь бритый остановил машину, поднял чёрную кожаную крышу.

В зеркальном зальчике, где соседствовали нарочито грубо сколоченный деревянный бар и столики в стиле ампир, а также копчёная осетрина и палёная водка, бритый уселся за столик у окна и небрежно кликнул официантку. Геля заняла место напротив него, оглядывая обстановку ресторана и исподтишка рассматривая посетителей – представителей некрупной плутократии и чиновников среднего размера.

Новый приятель Гели не стал интересоваться вкусами своей дамы, а сразу заказал салат из свежих овощей, мясную солянку, шашлык и бутылку красного сухого вина. Ожидая заказа, закурил, но когда Геля потянулась к его пачке, осадил её:

– Не люблю, когда бабы курят!

Десяти мужикам из десяти Геля велела бы заткнуться, но бритый, похоже, был одиннадцатым. Она оправдалась перед собой: надо быть благодарной человеку, который наказал самодовольную парочку из ювелирной мастерской.

– Слушай, – сказала она, когда принесли заказ, и оба выпили по бокалу вина за знакомство. – Почему ты решил, что я сделаю то, о чём ты попросил?

– Разве я просил?.. Ладно, не обижайся. Ты смотрела на них, будто хотела съесть!

– Ерунда, – смутилась Геля. – Просто у меня неприятности сегодня. Достали все!

– Все? И что все тебе сделали?

– Ой, да считают себя самыми умными! А как тебя зовут?

– Называй меня Лис.

– Что? Почему?

– Моя фамилия Лесничий. С детства все звали Лисом. Считают, что я хитрый.

Ел он изящно и споро, привычно обращаясь с ножом и вилок.

– А тебя как зовут?

– Геля, Ангелина.

– Какое красивое имя! Выпьем за твоё боевое крещение, Ангелина!

– Лис, а можно один вопрос?

– Валяй!

– Кто ты?

– Я свободный человек. Во всех смыслах. Я знаю, ты скажешь, что быть абсолютно свободным невозможно, что раз я вожу машину, то должен подчиняться правилам дорожного движения, и так далее. Но факт остаётся фактом: я свободен. И в этом смысл моего существования.

– Только быть свободным? А зачем? Чтобы делать что?

– Свобода – сама по себе ценность.

– Неважно, что ты делаешь, чтобы быть свободным?

– И это верно. Я не циничен, я просто так живу.

«Очень интересно, – подумала она. – Как бы не влюбиться».

Лис поднялся.

– Ну, что, пошли?

– А платить?

– Мы только что говорили о свободе, – насмешливо напомнил он, направляясь к выходу.

Геля поспешила следом.

Официантка, не ожидавшая такого простого и наглого фортеля, бросилась за ними.

– Эй, молодые люди! – закричала она во всё горло. – А кто заплатит?

Лис только ускорился, а Геля внутренне замерла.

– Саша, скорее! Здесь ушли и не заплатили!

Геля так и не узнала, как выглядит этот Саша и чем бы он помог бедной официантке, потому что едва она юркнула на своё место в кабриолете, как стремительный Лис рванул «Мерседес» вперёд. Одновременно он опустил верх автомобиля и ветер, ударив Гелю по лицу, выдул начисто любые переживания.

– Куда теперь?

Лис лукаво покосился на неё, ничего не ответив.

Вишнёвый автомобиль снова катил по городу, провожаемый восхищёнными, заинтересованными, завистливыми, мечтательными взглядами горожанцев. Геля жадно ловила эти взгляды, наслаждаясь реваншем. Сейчас бы встретить Вику! Та бы лопнула от зависти! Колбаснику такая тачка и не снилась!

Геля видела, что Лис чуть улыбается, расслабленно откинувшись в удобном кожаном сидении. Длинные ноги с трудом помещались в отведённом пространстве, локти лежали на коленях, руль в кожаной оплётке Лис придерживал кончиками пальцев.

«А он ничего. Никогда бы не подумала, что бритый череп может выглядеть так эпатажно!».

Себя Геля тоже считала «очень даже ничего». Она была маленькая, но ладная. Любила носить брюки, потому что имела плоский живот и ягодички совершенной формы, могла запросто не надевать бюстгалтер – её бюст был естественно упруг и приподнят. Жаль, что сегодня она одета «на работу» – при полной сбруе, иначе бы её соски, превратившиеся от ветра в два маленьких розовых бутончика, уже обозначились бы под трикотажем кофточки. Геля встряхнула пушистыми каштановыми кудрями и пожалела о размазанном после беготни и еды макияже.

«Мерседес» покинул город, мчась по загородной трассе вверх, на самый гребень окружавших Гродин возвышенностей. Кожаные сидения разогрелись, и пот выступал на теле. Ветер не охлаждал, а только больно резал глаза, лицо и правое плечо. Лысая голова Лиса покрывалась блестящими капельками.

Минут через пятнадцать они свернули на просёлочную – кривую и раздолбанную – дорогу, по ней «Мерседес» въехал на вершину одного из холмов. Здесь Лис остановил кабриолет, развернув его капотом к обрыву. Вокруг царили тишина и пустота.

– Выходи!

Геля вылезла из машины, прихватив сумку.

Лис обшарил бардачок, вытащил из-под водительского сидения барсетку, открыл её, порывшись, закрыл, передал Геле. Полез в багажник, вытащил оттуда кожаную куртку, надел её, обшарил карманы, снял и тоже отдал спутнице. Достал канистру с бензином, расплескал бензин по салону, канистру кинул назад в багажник, закрыл его. Упёрся ладонями в зад машины и стал подталкивать её к краю обрыва.

– Что ты делаешь? – испугалась Геля.

– Сталкиваю машину.

– Зачем?

– Слишком заметная тачка, надо избавиться.

Геле было жаль красавца, доставившего ей столько удовольствия, но она взялась помогать Лису, догадываясь о подоплёке его решения.

Когда задний бампер исчез за редким бурьяном на обочине, Геля и Лис остановились на краю дороги. Авто скатилось метра на четыре вниз и застряло в густых кустах. Лис чертыхнулся, полез вниз к кабриолету.

Спустившись к машине, Лис достал из кармана зажигалку и небольшой предмет вроде коробочки. Геля видела, как вспыхнул голубой огонёк внутри салона – это загорелся разлитый бензин. Лис добрался до капота, приподнял его и немного поколдовал там. Потом быстро полез по склону, цепляясь за пучки сухой травы и камни, но не вверх, а в сторону. Геля догадалась, что автомобиль должен загореться – и если бы Лис пополз к дороге, то его пятки могли бы поджариться.

Инстинктивно Геля шагнула назад, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Словно в замедленной съёмке она увидела, как над дорогой всплыл искорёженный вишнёвый капот и рухнул на то самое место, где только что стояла Геля.

Сердце в груди забилося, а колени ослабели.

– Эй! В тебя крышкой не попало? – донеслось до неё.

– Нет, я успела отойти!

– Прости, что не предупредил.

Лис уже стоял рядом с ней, отряхиваясь и размазывая по влажной лысой макушке пыль. Он столкнул ногой искорёженный лист вишнёвого металла.

– Наверно, бежать надо? – спросила Геля, отдав Лису барсетку и куртку из багажника.

– Да, надо. Пойдём, я знаю короткую дорогу через лес. А здорово гагахнуло! Смотри-ка, машинка работает!

– Что ещё за машинка?

– Да, так. Купил несколько для своих... друзей.

До города они добирались не меньше часа. На конечной остановке сели в пустой автобус, приехали в центр, зашли в пивной ресторан на площади Революции.

Первым делом Геля спряталась в туалете. Глянув на отражение в зеркале, ужаснулась своему усталому и запylённому виду. Умылась, накрасила губы новой помадой и тогда почувствовала себя вновь готовой к приключениям.

Лис уже заказал пиво, креветок, раков, солёных орешков и сухариков. Он тоже умылся и выглядел вполне довольным жизнью. Геля не могла не отметить, что из всех сидящих в пивнухе мужиков Лис самый классный.

Геля спросила:

– Так ты проводишь каждый день?

– Понимаешь, у моей жизни есть две стороны. Внешне кажется – я только и делаю, что катаюсь на чужих тачках, граблю неприятных тебе баб и философствую о свободе. Но это не так. Я здесь, в Гродине, чтобы помочь своим друзьям. Парни они идейные, крутые, я для них на всё готов!

– Что за идеи?

– Хорошие идеи, правильные. Ты веришь в то, что мы все созданы для счастья?

И Геля, имеющая высшее историческое образование, изучившая не меньше сотни новизностей этих идей и отлично знавшая, чем обычно кончаются разговоры о всеобщем счастье, ответила:

– Да!

– Значит, мы единомышленники. Ты где живёшь?

– У родителей.

– Что? Сколько тебе лет?

– Нет, просто они считают...

– При чём тут они? Ты решаешь! Значит так, сегодня – ко мне, а завтра же я найду тебе жильё. Своим скажешь, что будешь теперь снимать квартиру и жить отдельно. Что у тебя за отношения с ними?

– Так себе...

Под его требовательным взглядом Геля начала рассказывать о непонимании, об унижительной необходимости отчитываться за каждый шаг, за каждую копейку, о разговорах с мамой, когда за двадцать минут тебя успевают двадцать раз унижить, о неизменном отцовском недовольстве.

– Ничего, – сказал Лис. Он взял её руку в свои шершавые ладони и улыбнулся, подмигнув. – Всё изменится. Познакомишься с моими друзьями, будешь на мир другими глазами смотреть!

– Ты террорист какой-нибудь?

– Я не анархист в вашем смысле слова: ваши бетонные мозги не возьмёт никакая бомба.

Он посмотрел ей в глаза, чуть улыбаясь уголками губ.

Геля догадалась, что это он процитировал что-то ей неизвестное, спросить же – откуда цитата, не решилась. Лис словно гасил её дерзость, что оказалось абсолютно неведомым прежде, но приятным ощущением.

Порядком утомившись от приключений, она, тем не менее, была готова удирать из кафе, не заплатив. Только на этот раз Лис расплатился деньгами из барсетки.

На улице стемнело. Майский резвый ветерок касался холодными пальцами открытой шеи. Геля слегка протрезвела и вспомнила: она не позвонила домой и не предупредила, что задержится. Ладно, решила она, позвоню от Лиса. Пусть мама привыкает, что её дочь выросла и поступает, как хочет!

Обратный путь пролегал через площадь Революции. Злые языки утверждали, что когда был построен Гродин – город-спутник химического комбината, – площадь хотели назвать площадью Реакции, подразумевая, понятно, химическую. Секретарь партийной организации завода, а это для Гродина был большой человек, даже обратился с таким предложением в партийные верхи, где всё решалось. Предложение почти приняли, когда кто-то умный сообщил, что реакция бывает не только в химии, но и в политике тоже.

Они шли по площади, а когда добрались до пирамиды из красного гранита, на котором во время демонстраций и парадов красовались местные чинуши, Лис потащил Гелю по порожкам вверх.

– Эй! Смотри, как красиво! Вся площадь, как на ладони!

Они остановились на самом верху, у широкого парапета.

...На следующий день Геля не смогла объяснить самой себе, как это получилось, но факт оставался фактом: Лис соблазнил её в самом центре города, на мраморном парапете трибуны.

Они уже прожили несколько дней вместе, в квартире, принадлежавшей таинственным друзьям Лиса, но почти не виделись. Он уходил рано утром, а к вечеру появлялся усталый и голодный, чтобы поесть и снова исчезнуть до поздней ночи.

Часто Геля видела с балкона, что Лис выходит из очередной роскошной тачки, по-видимому, снова угнанной. Он объяснил: его основной промысел – уводить иномарки и продавать перекупщикам. Вырученные бабки Лис передаёт своим «друзьям». А тот самый вишнёвый «Мерседес» пришлось уничтожить, потому что выяснилось: он принадлежал жене министра ЖКХ области, а автомобиль из такой семьи милиции придётся искать с особым рвением.

Ещё у Лиса постоянно менялись мобильные телефоны, а уж золотые зажигалки, портсигары, дорогие фирменные аксессуары из кожи – вроде ремней, бумажников и прочих мелочей – вообще не задерживались дольше недели. Всё это были ворованные вещи, и вещи, купленные на ворованные деньги. Геля, привыкшая ценить дорогие предметы и аккуратно пользоваться ими долгие годы, испытывала нечто вроде священного ужаса, наблюдая небрежность Лиса по отношению к ценностям материального мира.

Спали Геля и Лис в разных комнатах, причём он никак не показывал, что их связывает нечто большее, чем общее дело. Немного позже Геля поняла: он вообще признавал только отношения соратников, но никак не любовников.

А Геля теперь была соратницей. Она уволилась с работы, сидела дома и исполняла свою роль в деле: ждала телефонного звонка, запоминала информацию, и когда звонили снова, передавала услышанное незримо собеседнику. Это были абсолютно бессмысленные фразы, типа: «И страусы поселятся там, и там скачут полевые духи» или совсем неудобоваримое: «Каждое действующее начало узнает своё действие из образа мыслей изменяемого создания». Геля, конечно, вспомнила источник: приснопамятный «Молот ведьм», читанный-перечитанный в студенческие годы. Что означали эти слова в данном контексте для таинственных друзей Лиса – оставалось тайной. А задай вопрос – получишь лишь хитрую улыбку.

Она попыталась найти ответы на вопросы самостоятельно. В квартире стояли разнообразными коробки, в которых, как выяснила Геля, находились самые невероятные штуки. В одной – жёлтые мягкие брусочки, завернутые каждый в прозрачный полиэтилен, в другом – театральные костюмы, все мужские, все современные, но только очень яркие, из блестящих и матовых шелков, с рубашками в рюшах. Там же лежало несколько круглых коробок со шляпами, имевшими какой-то карнавальный вид. В ящике, стоящем в прихожей, оказались сложены скучные для Гели книги по истории православия, учебники итальянского языка, театрального искусства, химии. Она равнодушно отложила «Легенду об Уленшпигеле», которую прочитала ещё в далёком детстве, и противного Алистера Кроули, бредящего ерундой.

Деревянный ящик, запёртый на висячий замок, показался особенно перспективным. Один угол был разбит, сквозь щель Геля разглядела приклад какого-то оружия. О пугающей находке решила не упоминать...

Единственным тёмным пятном стал скандал с родителями. Геле пришлось зайти домой за вещами, и вот тут-то она и наслушалась: шлюха, распоясавшаяся хамка, наркоманка и дура!

Вернувшись к Лису, Геля ещё раз порадовалась, что встретила его, тем более что именно благодаря ему она наконец-то почувствовала себя отомщённой.

«Песня мести» началась с Вики Петренко. Геля как-то пожаловалась на самодовольную и самовлюблённую бывшую сотрудницу, позволявшую себе злобные выпады и морализаторство.

– Надо проучить, – недобро усмехнулся Лис.

Буквально через пару дней Геля узнала, что Вика и её муж избиты хулиганами. Теперь чета Петренко лежала в травматологии Гродинской городской больницы. Сначала Геля испытала шок и ужас – слишком жестоко, слишком грубо. Но спустя некоторое время появилось ощущение скрытого могущества, своей власти над судьбами людей, и даже удовлетворение от мысли, что по её милости Вика со своим колбасником валяются в больничной палате.

– Ну, ты крут!

Разговор происходил за ужином в тот день, когда Геля узнала об избиении. Лис возразил: к произошедшему он не имеет отношения.

– Не ты, так кто-то из твоих друзей!

– Они о такой мелочи мараться не будут. Это совсем другие люди тебе помогли.

– Какие люди?

– Неважно. У тебя ещё пожелания есть?

– Есть...

Она подумала, что хорошо бы и Корытникову насолить, но ей не хотелось, чтобы его били. Корытников уже немолод и тучен, подобная наука могла бы его и в могилу свести.

– Только... можно по-другому?
– Без проблем! – отозвался Лис, закуривая.
– Мой заведующий кафедрой со студентов взятки берет. В эту летнюю сессию, говорят, тысяч двадцать долларов скопил! Пусть его квартиру ограбят! Они могут такое?
– Мы с тобой можем.
– Я?! Я не могу! Нет!
– Можешь. Нельзя же всегда перекладывать свои заботы на других. И потом, это станет не только мстью, но и проверкой. Если пройдёшь её, значит, тебе можно доверять, и тогда, возможно, я познакомлю тебя со своими друзьями.
Геля поняла: он прав. Так даже лучше.

Лис объяснил, что самое важное в деле домушника – подготовка, то есть сбор полезной информации. Заставил Гелю разузнать как можно больше о привычках и быте своего шефа, а также о его чадах и домочадцах. Кроме того, от Гели требовалось найти предлог и зайти к Михаилу Терентьевичу домой. Посмотреть – где, что и как.

Геля внаглую пришла в дом Корытникова и попросила занять ей десять тысяч рублей.

Несмотря на всю свою жадность, заведующий решил помочь бедной глупышке. Присутствовал и воспитательный момент: пусть теперь покусает локти, бросив стабильную работу!

– Простите меня, Михаил Терентьевич, мне и вправду не к кому больше обратиться! – тараторила Геля, следуя за шефом в комнату, куда Корытников пригласил бывшую коллегу, согласно своим старомодным представлениям о правилах приёма гостей. – С тех пор, как уволилась – совсем без денег. Но скоро я найду новую работу и отдам...

Квартира Корытникова располагалась в доме, пятьдесят лет назад построенном для партийных деятелей Гродина. «Элитная хрущёба» – так это называлось теперь. Узкие двери сучились в тесной прихожей, кухонька притаилась за куцым коридорчиком.

За деньгами заведующий кафедрой полез в свой бумажник, и Геля уже было расстроилась, что не попросила тысячу долларов. За такой суммой ему пришлось бы заглянуть в закрома, и стало бы ясно, где эти закрома находятся. К счастью, в кошельке десяти тысяч не нашлось и заведующий, не стеснясь Гели, открыл резную створку старинного буфета. Геля возбуждённо следила за тем, как он достал из жестяной коробочки толстую пачку денег.

Получив займ и рассыпавшись в благодарностях, она удалилась. Через день вернула десять тысяч, снова заявившись к заведующему домой. Объяснила, что отец дал ей денег. Уходя, небрежно спросила:

– А семья ваша где?
– Так сын у жены живёт, а моя половина в санаторий укатила.
– Наслаждаетесь тишиной? У вас тут, наверное, соседи все интеллигентные люди, как вы?

Польщённый дешёво слепленным комплиментом, Михаил Терентьевич распустил перья и разболтался. Геля всегда знала, что он сплетник, но в этот раз заведующий даже удивил: о своих соседях он знал всё. Надо было только направлять разговор в нужное русло и напоминать. Так выяснилось, что опасность на лестничной клетке представляла только молодая и любопытная девка из сороковой квартиры. Остальных – глуховатую одинокую бабушку и молодую семью, почти не бывавшую дома – в расчёт можно не брать.

– А вы к жене на курорте присоединиться не хотите?
– Вряд ли, – вздохнул Корытников. – Мне ремонт надо делать. В среду бригада придёт, всё ломать и крушить будут. А я приглядывать за ними стану.
– Ну, что же, удачи вам в этом нелёгком деле! – заторопилась Геля.
– Спасибо, Ангелина Николаевна.

Новости и нетерпеливые предложения Гели Лис встретил без особого энтузиазма. Съел обед и ушёл. Вернулся поздно ночью, разбудив уснувшую в кресле Гелю.

– Что? – спросила она, сразу придя в себя. – Мы идём завтра?

– Да, идём... Соседка твоего шефа обезврежена.

Лис пошёл на кухню и полез в холодильник. Геля побежала за ним.

– На плите отбивные и картошка, я подам!.. Слушай, а как одеваться? Меня же в доме видели!

– Одевайся как хочешь, это не имеет никакого значения.

– А что ты сделал с соседкой?

– Трахнул.

– Ты переспал с ней?

Геля замерла посреди кухни с тарелкой в руках.

– А что ещё мне с бабой делать? Вы все дуры – до старости принцев ждёте, а пока он не появился, раздвигаете ноги направо и налево. Я познакомился с ней, привёл её на хату к одному парню, и трахнул. И назначил свидание на завтра. Возле того дома, где сегодня встречались, а это за тридевять земель от дома твоего шефа.

– Но как же так? Как это? Я же с тобой, а ты...

– Ладно, заткнись! Дело есть дело! И ты то же самое сделаешь, если надо будет. Парням бабки нужны, это важнее всего, а ты бред несёшь: ты со мной, я с тобой!

Лис и раньше позволял себе срываться, что доставляло Геле безотчётное удовольствие. Ей казалось, что так и должен вести себя по-настоящему крутой мужик. Но лицо она старалась сохранить. Вот и сейчас Геля приняла обиженный вид (для себя не меньше, чем для Лиса) и ушла спать.

Всю ночь ей мерещились кошмары: их застигает в своей квартире неожиданно вернувшийся хозяин, их ловит милиция, они попадают на сбыте краденого... Засыпая под утро, решила, что попросит Лиса отменить испытание. Ну, не воровка она!

Утром она так и сделала.

– Глупая, – усмехнулся Лис, ловко снимавший опасной бритвой отросшую щетину с головы. – Совсем глупая! Я же уже пообещал двадцать тысяч зелени своим парням! Не хочешь грабить – зарабатывать. Это всё равно, что тебя на счётчик поставили. Ты знаешь, что такое счётчик?

– Они же твои... друзья...

– Ага, – Лис отложил бритву, приподнял её лицо, держа за подбородок, и сказал чётко, глядя прямо в глаза: – Вот именно, что друзья. Друзей я подвести не могу, поняла?

Он ушёл, назначив операцию на час дня.

К этому времени нервы Гели превратились в раздёрганные провисшие нити, которые уже не могли удерживать натиск стресса. Она страшно паниковала. Лис появился только около половины третьего и, лишь увидев её, сразу налил полную рюмку водки.

– Я не буду! – отбивалась Геля.

Тогда Лис силой запрокинул ей голову и влил содержимое рюмки в горло. Она чхнула, помотала головой, а через минуту, действительно, немного расслабилась.

– Пошли, – сказал Лис. – Что расселась?

Кража проходила необыкновенно споро. Лис легко подобрал отмычки ко всем трём хитрым замкам квартиры Корытникова, описанным глазастой Гелей. Один раз у неё чуть не выпрыгнуло из груди сердце – когда хлопнула дверь этажом ниже.

Сам Лис выглядел спокойным и даже небрежным. Захлопнув входную дверь, он первым делом прошёл в гостиную, залез в буфет и достал жестянку с деньгами. Открыв сокровищницу, присвистнул, позвал сообщницу. Геля подошла с ощущением, будто ступает по

раскалённым углям, и опасливо заглянула в коробок. Там лежали несколько пачек стодолларовых купюр и стопка рублями, каждая достоинством в пять тысяч.

– Вау! – невольно выдохнула Геля, оценив масштаб культурных мероприятий Корытникова на предмет вымогания у студентов уважения к своей экзаменационной деятельности. – Тут больше двадцати штук будет!

– Умница, детка, очень нужные денежки! Работу сделал – гуляй смело!

Лис ухватил трясущуюся Гелю за руку и потянул в спальню. Там, не слушая возражений, повалил на супружеское ложе четы Корытниковых и ловко избавил от лишней одежды. От страха Геля просто одеревенела, но решила не возражать. Пусть быстрее сделает, что хочет, и они смоются.

Однако Лис не спешил, растягивая прелюдию. Несколько раз он делал вид, будто слышит какие-то звуки – уж не хозяин ли вернулся домой?.. Геля пугалась до судорог. Взболтанный, но несмешанный коктейль из страха и секса всё же подействовал. Она ощутила желание, потом удовольствие, а через минуту подумала, что надо успеть кончить до того, как их застигнут...

Последствия совершенного преступления воров не коснулись. Геля специально пригласилась следующим утром на кафедру – якобы за какими-то бумажками. Она мечтала увидеть Михаила Терентьевича, мечущегося с заломленными руками, но он не метался, а сидел за своим столом и молчал как рыба. На вопросы о самочувствии отвечал туманно.

– Конечно, – разъяснил ситуацию Лис. – Вор у вора украл! В какой такой милиции он расскажет об украденных тысячах долларов, сэкономленных от пятнадцати штук рублей своей официальной зарплаты? То, что мы сделали с тобой – идеальное преступление!

– Да? А отчего же я так боюсь?

– Ну, не от большого ума!

Лис отвернулся от Гели. Надев медицинские перчатки, он готовил партию бутылок с зажигательной смесью. Готовые бутылки укладывал в небольшие картонные ящики, которые относил на балкон.

– Лис, – позвала она. – А когда ты познакомишь меня с твоими друзьями?

– Двадцать первого июня.

Сегодня было девятнадцатое. Геля подумала, что лето проходит, а она никуда не съездила и не съездит, так как Лис заявил, что отдыхать ещё рано. А он и впрямь работал. Ему звонили люди, он постоянно разговаривал с ними обрывками непонятных фраз. Кстати, Геля больше не передавала информации – Лис вообще запретил ей подходить к телефону.

– Понимаешь, у нас не принято жить с бабами, – оправдывался он. – Я же привязался к тебе, привык. Ты первая женщина в мире, от которой я ничего не скрываю в своей жизни. То есть, я имею в виду, конечно, свои собственные секреты. И, знаешь, на днях случится то, ради чего я здесь. Обустрой всё так, чтобы тебя никто не искал! Ни семья, ни друзья. Не ссорься ни с кем, помни: для дела надо, чтобы все вокруг думали, что ты уехала, уехала надолго. Поняла, родная?

Геля удивилась его ласковому тону, ощутив, как трепещет её сердце. А ведь в последнее время Лис стал больше говорить с ней, теперь они вместе спали, он завёл привычку сажать её к себе на колени и гладить губами её висок. Геле казалось, что она приручила Лиса, при этом изменившись сама. Теперь она – боевая подруга, любовница, единомышленница, соратница борца за идеи. Она сильная, умная, хитрая, ловкая. Как и её друг, она служит великому делу, которое выше понятий о счастье жирных лицемерных обывателей, самодовольных шлюх и прочей швали. Её жизнь – чистый и высокий полёт над копошащейся массой жалких людейшек, думающих лишь об удовлетворении своих низменных инстинктов. Всё исчезло: семья, друзья, законы, мораль, приличия... Она ощущала удивительную, беспредельную свободу.

На свою беду, именно в это время Геле встретился Антон, её бывший парень. Случилось это на улице, когда она бродила по магазинам, скучая в ожидании Лиса.

Антон имел наглость поздороваться. Геля ответила сладкой улыбочкой, решив в тот самый момент, что мерзавец будет долго вспоминать свою брошенную подругу. А его плебейка – ещё дольше!

В преддверии новой жизни, в которой ей не будет дела до глупого Антона, она сочла важным завершить все дела и отношения жизни старой.

Дома взяла пару бутылок с коктейлем Молотова, приготовленных её другом накануне, сложила в пакет, добавила две проверенные зажигалки и опасную бритву Лиса.

Вечером отправилась к дому Антона, так как тот упомянул в последнем разговоре, что жена переселится к нему, и заживут они в любви и счастье под крылом заботливой Антоновой матери.

Геля шла весёлая, бодрая, обладающая решимостью и силой, впитавшими в себя обиду, горечь, зависть, злобу и боль. Сейчас её сердце было свободным и радостным, а после исполнения замысла оно ещё и успокоится.

Частный сектор, где жила будущая жертва Гелиной мести, словно вымер. Народ наслаждался сериалами, отдыхая после длинного трудного дня, ведь для большинства здешних обитателей работа не заканчивалась в восемнадцать ноль-ноль, а удлинялась до наступления темноты поливкой огорода и сбором небогатого урожая.

В окнах частного дома, где проживали молодые, горел свет и вопил какой-то русский певец.

«Будемдохнуть под тра-ля-ля!», – усмехнулась Геля, не признававшая отечественной попсы.

Ей ничего не стоило перемахнуть через низенький редкий заборчик. Да уж, хозяин из Антона никудышний! Вблизи его дом представлял ещё более жалкое зрелище, чем выглядел на расстоянии: покосившаяся мазанка, на которую жильцы жалеют побелки. В окно, которое никто не потрудился завесить, виднелся кухонный стол, застеленный газетой. На белых общепитовских тарелках лежали помидоры, колбаса и хлеб. Натюрморт дополняла открытая банка кильки в томате и бутылка дешёвой водки.

За столом собралась семья: Антон с красным от алкоголя лицом, уже клюющий носом над своей тарелкой, его мясистая благоверная в грязном халате, половина пуговиц на котором была выдрана с мясом, и Антонова мамаша, постаревшая версия жены, толстая и пьяная. Родился ли ребёнок, и если да, то где он находился в тот момент, Геля так и не узнала.

Трясущимися от бешенства руками она достала из сумки бутылку с зажигательной смесью, подожгла пропитанный огнеопасной жидкостью фитиль, дождалась, пока он разгорится, и со всей силы запустила бутылку в окно. Она пробила стекло и разбилась на столе. Горючее (Геля понятия не имела, что именно заливал внутрь Лис) расплескалось вместе с огнём на Антона, его жену и тещу, весело заполыхало, заставив всех троих вскочить, заорать и бестолково замататься по кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.